

ОТЗЫВ

на диссертацию

Леонида Андреевича Костаненко

на тему:

«Христианская миссия и формирование церковной организации на Западном Кавказе в контексте этнополитических процессов IV–XI вв.»
на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1 – Отечественная история.
Краснодар, 2026.

Изучение роли христианской миссии, становления и развития церковной организации на Кавказе в этнополитическом контексте имеет богатую и, надо отметить, достаточно давнюю, хотя и разноплановую традицию. Поэтому предпринятую Л. А. Костаненко попытку подведения итогов по данному направлению на современном этапе можно только приветствовать.

Сказал бы, что изучение появления и распространения христианства, христианского миссионерства, церковной археологии на Кавказе переживает существенный научный подъем – об этом свидетельствуют специальное изучение письменных источников, возросший уровень конференций по проблемам церковной истории и археологии, наконец, увеличение полевых археологических исследований периферийных памятников Византии в Северном и Восточном Причерноморье. Интенсификация работ по данным тематикам находит свое воплощение не только в численном и качественном росте публикаций, но в том числе и в появлении новых диссертационных исследований. Именно в этом русле – как обобщающую, подводящую современный итог изучению актуальной научной проблемы работу, считаю необходимым рассматривать диссертацию Л. А. Костаненко, представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Данное исследование посвящено анализу, обобщению и исторической интерпретации нарративных источников VI–XI вв. и попыткам их интерпретации в русле той или иной гипотезы. Результаты этого анализа,

апробированные в целой серии публикаций, получили в целом логическое (но окончательное ли?) обобщение в рецензируемой работе.

Структура рукописи соответствует цели и задачам исследования, которые изложены Л. А. Костаненко во введении. В центральной части своей работы (главы 1–4) соискатель обращает внимание на, казалось, хорошо известные широкому кругу научной общественности материалы, теперь показанные более полно и широко. Основные выводы, полученные и изложенные в заключении, возражения не вызывают, они логичны, научно обоснованы, взвешены и достаточно новы. Это уже вызывает положительное отношение к рассматриваемой диссертации.

Отмечу, Л. А. Костаненко взялся за чрезвычайно сложную работу не только в силу того, что для подробного изучения избранной им темы необходим междисциплинарный синтез, но и потому, что источники по указанной теме, прежде всего письменные, с трудом поддаются систематизации, часто оказываясь противоречивыми. Это, не говоря уже о данных археологии, которые, скажем прямо, привлекаются в диссертации незначительно. Именно в данной связи отдельные выводы автора вызывают у меня целый ряд возражений.

Позволю себе остановиться на списке используемых автором источников (67 позиций) и литературы (276 наименований).

Совершенно неприемлемым считаю обозначение по всему тексту диссертации, а также в списке источников (с. 200) главнейшего свода грузинских средневековых летописей «Картлис Цховреба» как Картлис Сховреба. Грузинское написание и прочтение ქართველთა ცხოვრება с «ც = ц – цани», но не «ლ = с – сани» – дает однозначное (не исковерканное) прочтение слова, в переводе на русский как «Жизнь». Собственно, разумеется, как называется и само издание 2008 г., на которое ссылается диссертант.

Михаил Пселл называется Псёллом (с. 199), что представляется довольно странной транскрипцией (см.: Μιχαήλ Ψελλός).

Непонятно, зачем разбивать список источников на подразделы: правовые акты, историко–географические сочинения, греческая и латинская историография и пр. В итоге, к примеру, в одну категорию попадает «Хронография» Феофана Исоведника, а в другую труд продолжателя Феофана. Причем первый источник используется в латинском издании 1883 года (есть русский перевод), а второй в русском переводе 1992 года. При этом есть новые академические издания обоих источников, в том числе и в серии (*Corpus Fontium Historiae Byzantinae*).

Возвращаясь к «Картлис Цховреба» – свод отнесен к грузинской средневековой историографии (!?) и, в результате, соседствует с трудом Вахушти Багратиони, написанным в XVIII в. Летопись Джуаншера Джуаншерияни (XI в.) отнесена к агиографическим источникам, хотя она включена в свод «Картлис Цховреба».

В списке литературы (как и в тексте работы) удивляет отсутствие новейшего академического издания, аккумулирующего данные по затрагиваемой автором теме:

Дружинина И. А. Северо-Западный Кавказ и Северо-Восточное Причерноморье // История России в 20-ти томах. Том 2. Государства и народы на территории России в VI – середине XIII века. Становление и развитие Руси. М., 2024. С. 155–166, 832–845.

Отсутствует в списке литературы (но один-два раза в тексте встречается ссылка на диссертацию) важная работа *Е. Ю. Ендольцевой* Архитектурная пластика Абхазии в период Абхазского царства (VIII–XI вв.). М., 2020. 432 с.

В ряде случаев присутствуют, на мой взгляд, дублирующиеся работы. Так две статьи *А. В. Гадло*: «Тмутараканские этюды V» (Олег Святославович) (1990 г.) и «Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии (История идеи)» (2002 г.), полностью, текстуально, вошли в монографию исследователя «Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе» (2002 г.), на которую диссертант в своей

работе ссылается более чем часто (с. 212, №№ 131–133). Автор указывает: «эти работы послужили основой для решения ряда задач нашего исследования» (с. 14), хотя можно было ограничиться лишь одной.

Противоположные примеры. Рассмотренные труды А. Ю. Виноградова, достаточно плодотворно работающего (при этом, разумеется, его идеи могут видоизменяться со временем, находя отражение в новых трудах) и важнейшие для затрагиваемой автором тематики, заканчиваются 2021 годом. Между тем, за последние годы А. Ю. Виноградовым было написано более чем. Равным образом труды автора этих строк ограничены 2017 годом.

Обращаясь к основной части диссертационного исследования, целая часть положений которой содержат постулаты, принять которые нельзя.

Неоднократно в тексте представлены закавыченные конструкторы: «так называемое» «объединенное государство» грузинских Багратидов и «общегрузинское» государство, которое «сумели» объединить (XI в.) (с. 5, 82, 176 и т.д.). Грузия была именно что объединена в 1010 г. – это автору хорошо известно, а царь Баграт III (1008–104) принял титул (აფხაზთა, ქართველთა, რაზვისა და კახვის მეფე – Царь апхазов, картвелов, ран и кахов). В историографии это событие обозначается именно как объединение (без кавычек) и в дальнейшем применяется словосочетания საქართველოს სამეფო – Грузинское царство или государство.

Подобным образом, но без закавычивания, автор на протяжении всей своей диссертации использует псевдоэтноним *карты*, в контексте этноса, этноконфессиональной идеи, церковной традиции, религиозной общности, иерархии и пр. (с. 23, 43, 45, 46, 128, 129, 130 и т.д.), подразумевая картвелов или грузинов (ქართველები). Также считаю подобное совершенно неприемлемым. *Карты* – это марийские (финно-угорские) жрецы или же «старики» в переводе с тюркского. Если же в ряде случаев имеются ввиду

носители грузинского (картвельского) языка, то звучит он как *картули* (ქართული), что является коннотацией.

Еще один конструкт: *«новые этнополитические сообщества: прото-адыгов (сугдов и зихов), алан, а также мигрирующих из внутренних областей Закавказья в Лазикю картвелов»* (с. 44) – странно, что автор ничего не знает (?) о Колхидском царстве, изобретая (или же используя) параллельно ненаучное *«прото-адыги»* (также: с. 87). Это же относится к *«адыгским племенам»* (с. 109) VIII века, мигрирующим в Таврику.

Наконец, примером подмены понятий является подспудное утверждение о единоэтничном (почему-то крупнейшем на Западном Кавказе) Апхазском царстве, католикосате, *«объединении родственных западнокавказских (каких?) племен вокруг принявших христианство абазгов»* (с. 23, 42, 46, 47, 88 и т.д.). При этом, разумеется, Апхазское царство (равно и католикосат – груз.: აფხაზეთის საკათალიკოსო) не являлись моноплеменными.

Позволю себе опустить пассажи наподобие: *««всегрузинские» притязания необоснованны»* (с. 133), *«альтернативная гипотеза значительно удрежняющая дату возникновения Абхазского католикосата»* (с. 134) и пр.

Вообще на фоне приведенных примеров, подобные утверждения, подогревающие национальные раздоры (в названии работы присутствует термин *этнос*), достаточно странно встретить в диссертации, подготовленной по специальности «Отечественная история». Во избежание в будущем подобных во многом провокационных формулировок при исторических этнореконструкциях, я бы настойчиво рекомендовал автору диссертации ознакомиться с трудом:

Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. Домонгольский период. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. 172 с. – диссертант в тексте называет автора «выдающимся грузинским медиевистом» (с. 39), хотя скорее, он советский.

Большой пассаж о Зихии, зихах, «князе» Инале и пр. в изложении А. В. Гадло (с. 81–82). Сразу отмечу, что опора соискателя преимущественно на работы этого исследователя ограничивает рамки историографической базы его диссертации 90-ми гг. XX века – т.е. публикациями 30-летней давности. Судя по списку литературы, Л. А. Костаненко не знаком с новейшими работами, посвященными этой тематике:

Дружинина И. А. Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». История изучения // Нижневолжский археологический вестник. Том 16. № 2. Волгоград, 2017. С. 33–49.

Дружинина И. А. Историческая область Папагия трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» в свете письменных и археологических источников // Нижневолжский археологический вестник. Том 17. № 1. Волгоград, 2018. С. 76–89.

Дружинина И. А. На краю византийской ойкумены: зихи, касахи, папаги в VIII–XII вв. // X Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Севастополь; Симферополь 2018. С. 69–74.

Причем *папаги* и *касахи* в диссертации даже не упоминаются – просто постулируется, что *зихи* и *сугды* – предки современных адыгов и абазин. Это не так: например, сугды по одной из версий, могут быть связаны с сагинами, по другой – с готами-тетракситами.

Возвращаясь к трудам А. В. Гадло – я неоднократно отмечал в своих работах, что к логическим умопостроениям этого исследователя нужно относиться более чем осторожно. Ни в каких «письменных источниках» не известно о столкновениях хазар и предков современных адыгов. Эти данные А. В. Гадло почерпнул из сочинения Шоры Ногмова – адыгского просветителя XIX в., который, как справедливо показал Л. И. Лавров, при написании своего труда пользовался «Историей государства Российского» Н. И. Карамзина и смутными преданиями адыгов в целях удревить историю

своего народа. При этом «адыги» как этнос известны лишь со второй половины XV в. (упомянуты Джорджио Интериано), а племя с этим названием (но никак не этнос), по новым данным, называет Бадр ад-Дин ал-‘Айни в начале XV в. К этому же времени – к XV в. – относится и жизнедеятельность подлинного «князя» Инала.

Согласится с априорным восприятием соискателем выводов А. В. Гадло я не могу. Тем более что Л. А. Костаненко не известна еще одна работа, посвященная последнему монографическому исследованию Александра Вильямовича:

Чхаидзе В. Н. Рецензия на: Гадло А. В. “Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории Русского княжения на Северном Кавказе”. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 362 с. // Российская археология. № 4. М., 2006. С. 165–170.

Одним из основных своих достижений в диссертационном исследовании Л. А. Костаненко «уверенно» называет точную локализацию Никопсии в Анакопии (г. Новый Афон) (глава 2.1). Здесь также вынужден не согласиться и постулировать, что автору не знакомы две моих работы, посвященные конкретно этой проблематике:

Чхаидзе В. Н. Никопсия // Православная энциклопедия. Том LI. Никон – Ноилмара. М., 2018. С. 59–60.

Чхаидзе В. Н. О локализации Никопсии – кафедры Зихской епархии Константинопольского патриархата (VI–IX вв.) // III Свято-Владимирские чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной 1030-летию Крещения Руси. 11–15 сентября 2018 г. Севастополь, 2018. С. 112–114.

«Изучение и сопоставление сведений сохранившихся письменных источников» (с. 42) с гипотезой (!) о локализации Никопсии в Анакопии уже неоднократно предпринималось до Л. А. Костаненко. С моей точки зрения, в диссертационном исследовании повторяются все хорошо известные

аргументы сторонников этой гипотезы – Д. Гулиа, Ш. Д. Инал-Ипа, Д. Д. Качарава, Г. Т. Квирквелия.

Я придерживаюсь противоположной концепции, согласно которой в качестве места локализации Никопсии Ф. Бруном, Ю. А. Кулаковским, В. К. Латышевым, Л. И. Лавровым, А. В. Гадло, Е. В. Малюгиной, А. Ю. Виноградовым, В. Н. Чхаидзе и др. рассмотрена территория возле поселка Новомихайловский в устье р. Нечепсухо (Туапсинский район Краснодарского края), где расположены три крепости-городища – «Дузу-Кале», «МТФ» и безымянное.

Эта концепция, основанная на данных письменных источников, в первую голову, подтверждается материалами археологии. Городище «Дузу-Кале», находящееся на мысе Бескровный, было спорадически исследовано в 1905, 1907 и 1956 гг. – прослежены крепостные стены и башни, сохранившиеся до сего дня, открыт могильник VI–VII вв., обнаружена одновременная керамика. В настоящее время на памятнике работает экспедиция под руководством чл.-корр. РАН А. И. Иванчика. На городище «МТФ», расположенном на юго-восточной окраине поселка, исследования проведены в 1956 г. Площадь памятника 3000 м². Найдена керамика IV–VII вв., каменные кладки, черепица, обломки мрамора, в том числе, капители; большое каменное здание, по очертаниям скрывающего его развалины холма напоминающее базиликальный храм. В настоящее время крепость частично находится под застройкой. Безымянная крепость-городище расположено в устье р. Нечепсухо в 200 м от берега. Ее стены и башни скрывали внутри прямоугольную в плане постройку с толстыми стенами, скорее всего церковь. Исследования проводились в 1952 г., в настоящее время местоположение памятника не известно. Также из поселка Новомихайловского происходят предметы мелкой христианской пластики – золотые кресты и бронзовое гравированное кадило XI в. с пятью композициями, отражающими основные события жизни Иисуса Христа.

Все это не мешает Л. А. Костаненко (с. 193) «*опираясь на богатый археологический материал*» (который в диссертации никак не отражен) «*уверенно локализовать Никопсию Зихскую в р-не современного города Новый Афон в Абхазии*».

Автором диссертации приводится лингвистический, онтологический и эпический пассаж (с. 94) со ссылками на абхазо-адыгский лексикон (в средние века эти племена были бесписьменными), нартовский эпос и пр., объясняющий происхождение и структуру названия Никопсия (Никопсис), известного исключительно по греческим и грузинским источникам (Νίκοψις, Νικόψεως, ბოζοψβος). Если это и имеет отношение к теме диссертации, то в таком случае следовало хотя бы развить мысль и рассмотреть, по какой причине река, на которой находятся три упомянутых городища называется Нечепсухо и как этот гидроним связан с названием Никопсия (Никопсис).

Мало убеждают и примеры с грузинскими источниками XI века (Леонти Мровели, Житие Гиорги Святогорца, Джуаншер Джуаншериани), упоминающими Никопсию (с. 97, 99). Напомню, что кафедра из Никопсии была перенесена в Таматарху во второй четверти – второй половине IX в., а *terminus post quem* исчезновения Никопсийской кафедры позволяет установить свидетельство иконопочитателя Епифания Монаха, посетившего Зихию и Никопсию ок. 815–820 гг. При этом диссертанта (со ссылками на «*современного абхазского «ученого»*» Д. З. Дбара) не смущает, что между временем написания грузинских сочинений и этими событиями прошло около 200–300 лет, не говоря уже о Дюбуа де Монпере, жившего на 1000 лет позже. Соответственно не удивительно, что реальное местонахождение Никопсии было попросту забыто и название было соотнесено с созвучной Анакопией.

Таким образом, в настоящее время локализация Никопсии не может быть установлена лишь на изучении письменных источников, как неоднократно постулируется в диссертационном исследовании (с. 42, 107), соответственно представление о значительной протяжённости границ

Абхазского царства на северо-запад не может являться «ошибочным» (с. 47). По этой же причине не убеждают и приведенные в таблице 1 (с. 239–241) упоминания «Никопсии-Анакопии» в средневековых грузинских источниках.

Повторюсь – перед нами все та же хорошо известная гипотеза (одна из нескольких), которой всего лишь придерживается диссертант.

В противоречии с данными источников находится и следующее абсурдное, по сути, утверждение (с. 107): «Однако имеющиеся в нашем распоряжении хронологические данные позволяют допускать, что *«Мученичество Або Тбилисского» повествует о древней столице абазгов – Никопсии».*

Комментария заслуживает отмеченное в работе «*представление о самостоятельной роли русской иерархии в управлении Таматархой в XI в.*» (с. 48), основанное лишь на сообщении Киево-Печерского патерика (написанного, отмечу, в XIII в.) о поставлении в Тмутаракань монаха Николы. Эта тема достаточно давно и широко разработана в историографии, что и разбирается в диссертационном исследовании. Однако делать выводы о «*самостоятельной кафедре в Тмутаракани*» (с. 121), подчиненной киевскому митрополиту – более чем преждевременно, и такая «версия» продолжает оставаться слабо аргументированной гипотезой.

Автор утверждает, что «*в 1083 г. вернувшийся из византийского плена Олег Святославич вновь становится Тмутараканским князем*» (с. 122). Это не так и основано на представлениях середины – конца XX века. Ныне в научной литературе однозначно установлено, что с возвращением Олега из Константинополя (далеко не просто так) он выступал в качестве представителя византийской администрации на территории, включающей Матарху, Зихию и часть Крыма, – об этом и свидетельствуют три известных к настоящему времени типа (12 экземпляров) его печатей, в тексте которых он носит византийские титулы *архонт* и *дука* – т.е. выполнял функции имперского наместника вплоть до своего возвращения на Русь в 1094 г. Это же указывает на создание в конце XI в. на данных территориях крупной

административно-территориальной единицы, что являлось определенным этапом в формировании византийской администрации региона.

Достаточно подробно соискатель повествует (с. 180) о судьбе Марии (Мариам) Аланской, супруге императоров Михаила VII Дуки (1071–1078) и Никифора III Вотаниата (1078–1081). Учитывая, что это достаточно разработанная тема, было бы логично сослаться на основные по данной проблематике работы (но, не исключительно на статью С. Н. Малахова, по сути, не содержащую ничего нового), а именно:

Нодия И. М. Грузинские материалы о византийской императрице Марфе–Марии // Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978. С. 146–155.

Mikaberidze A. Die byzantinische Kaiserin Maria-Marta im Lichte neuerer archäologischer Ausgrabungen // Byzantinische malerei. Bildprogramme – Iconographie – Slii. Wiesbaden, 2010. S. 183–210.

Garland L., Ripp S. Mary of “Alania”: Woman and Empress Between Two Worlds // Byzantine Women: Varieties of Experience 800–1200. [Publications for the Centre for Hellenic Studies, Kings College London: 8]. London, 2006. P. 91–124.

«*Научной дискуссией*» (с. 181) диссертантом обзывается ряд высказываний относительно уникального сфрагистического памятника, происходящего из окрестностей Анакопии. А именно, с Айнахви (Анхуа), где располагался грузинский монастырь, посвященный Св. Георгию, связывается моливдовул XI в. с грузинской надписью: «Святой Гиорги монастыря Айнахвийского» изданный мною дважды, в том числе на грузинском языке в соавторстве с А. Ю. Виноградовым и Ш. Гугушвили. С этим фактом не может сосуществовать Д. З. Дбар. В нескольких работах (с одинаковым содержанием соответствующих пассажей) им всего лишь было высказано нежелание мириться с тем, что в XI в. в объединенном абхазо-грузинском царстве (на территории современной Абхазии) находился грузинский монастырь, в котором, соответственно, служба велась

на картвельском языке. Собственно, это и неудивительно, учитывая то обстоятельство, что автор – лишенный сана раскольник.

Далее считаю необходимым высказать ряд мелких замечаний относительно отдельных аспектов рецензируемого диссертационного исследования.

В тексте встречаются цитаты на среднегреческом языке взятые из источников, однако, в достаточно многих случаях – без диакритических знаков. Что, конечно, неграмотно.

В XI в., равно как и в XII – начале XIII вв. византийская Таматарха (с. 9) уже называлась Матархой, что (за редкими исключениями, передающими более раннюю традицию) отмечено в источниках.

Автор пишет (с. 28): «*Среди советских учёных следует упомянуть выдающегося кубанского археолога Н. В. Анфимова (1909–1998), результаты раскопок которого в крепости Дузу-Кале послужили важным материалом при написании работы*» – однако, это не может быть так. В указанной работе раскопкам в пос. Новомихайловском (Никопсия) уделено лишь три страницы, а материал представлен лишь девятью фрагментами керамики.

В пассаже, посвященном оценке сфрагистических памятников (с. 29–30) не верна оценка одного из каталогов, изданных *Виталиэном Лораном*: (Laurent V. *Le Corpus des sceaux de l'Empire Byzantin*. Paris, 1972). Указанная работа имеет три тома, издавалась с 1963 по 1972 гг. и носит подзаголовок *L'église* – то есть, посвящена церковным печатям. Далее: А. В. Аргун опубликовал единственную печать из Анакопии, неверно прочтенную, а Д. З. Дбар никаких печатей никогда не публиковал.

Упоминается (с. 34) «*крупный (sic!) дореволюционный кавказовед Александр Дьячков-Тарасов (1867–1929)*», однако Александр Николаевич умер в 1943 году и трудился, также, и в советское время.

Автор ссылается (с. 34) на издание *Дюбуа-де-Монпере* «Путешествие вокруг Кавказа...» в русском переводе 1937 г. Можно указать, что

в настоящее время (вышло несколько томов) издается полное собрание с комментированным переводом.

«Руины (одной!) сторожевой башни» в поселке (Архипо-Осиповка) не могут *«свидетельствовать о римской экспансии на побережье Западного Кавказа во второй половине I в.»* (с. 51).

«Одним из основных источников, содержащих сведения о формировании церковной организации на Западном Кавказе в VII–IX вв., являются так называемые (sic!) Notitiae episcopatum ... Константинопольского Патриархата. Наиболее ранняя из известных – Notitia № 1» (с. 72) – даже странно.

«В результате победоносных походов византийского императора Ираклия, который сокрушил Персидскую державу» (с. 72) – слишком громко сказано, хотя это событие и способствовало захвату империи Сасанидов арабами.

Кафедрой картлийских католикосов являлся не *«Мцхет»* (с. 72, 151), а Мцхета (მცხეთა), а также: *«летописные источники (ссылка на сочинение Вахушти Багратиони, которое не является летописью) также сообщают о переносе Леоном столицы своего государства в Кутаис»* (с. 106; ср.: с. 126) – город в это конкретное время назывался Кутатиси (ქუთათისი).

«Тройственный военно-политический союз Абазгии, Хазарии и Византии» в середине VIII в. (с. 83) звучит чрезвычайно смело.

Более чем часто встречаются предположения, которые письменными источниками никак не проверяются, хотя диссертация призвана оперировать только подтвержденными нарративными данными, но *«не гаданием на кофейной гуще»*. Приведу только пару примеров (с. 86): *«Однако нельзя исключать, что иконоборчество могло служить политическим фактором который оказывал влияние на выбор абхазского царя»* – а может быть, можно исключать; *«Подобно тому как византийский император Лев III Исавр обосновывал свою иконоборчество желанием найти компромисс с арабами ... аналогичным образом его тезка – абхазский царь Леон, мог апеллировать*

к запрету человеческих изображений ... на фоне сближения с хазарами» – или не мог. «Однако, можно предполагать, что предание о женитьбе во второй половине VIII в. правителя абазгов по имени Леон на дочери Михра имеет историческую основу» (с. 102) – или можно не предполагать.

«Вполне вероятно, что Фанагория имела в этот период свой собственный храм и обслуживающий его клир» (с. 108) – на этот факт (равно как и на наиболее вероятное местонахождение храма, выявляемое по группе раскопанных христианских погребений в каменных ящиках) уже давно было указано автором этих строк в монографии 2012 г.

«А. Ю. Виноградов предлагает читать данную надпись как обычное в древности буквенное обозначение чисел ... однако согласиться с этой интересной мыслью не дает композиционное решение надписи» (с. 113) – странный аргумент, когда речь идет о прочтении.

Церковь, раскопанная в 1954–1955 гг. на Таманском городище (Матарха-Тмутаракань), называется «кафедральным собором» (с. 119) – это не из чего не следует, храм мог быть и соборным.

Известна не одна (с. 120), но четыре печати не названного по имени проэдра Зихии с надписью: † Τὸν Ζιχίας πρόεδρος, Ἀχραυτε, σκέποις, датированные XI в. Однако версия об их владельце – монахе Николе, не более чем смелая гипотеза.

Вамек Дадиани не мог являться «мингрельским владельцем» (с. 134), так как Мингрельская – это станица в Абинском районе Краснодарского края, а мегрелы (მეგრელები) – это грузинская народность картвельской языковой семьи.

Примерно тоже самое (с. 135), когда автор явно не видит разницы между абхазами и абхазцами (причем, применительно к VIII в.).

В научной литературе принято давать прямые ссылки на работы исследователей, а не приводить их фамилии скопом, отсылая к компилятивным работам. Как пример (с. 171), перечисление (абстрактных, судя по всему) мнений (фамилий) С. Н. Малахова, М. Куршанскиса,

Э. Брайера, Д. Уинфилда и др. (!) с предложением обратиться лишь к статье С. Н. Малахова.

Совершенно лишена смысла фраза (с. 184) *«современного абхазского исследователя А. В. Аргуна: «...бескровное оставление византийцами крепости Анакопии мы относим к ее заслугам, с оговоркой, что не располагаем прямыми упоминаниями в хрониках».*

Учитывая подобный, довольно большой список замечаний, могу констатировать, что Л. А. Костаненко зачастую чрезмерно доверчиво относится к мнению целого ряда исследователей – его предшественников, многие концепции которых безнадежно устарели. Зачастую автор попросту оперирует логическими умозаключениями.

Тем не менее, в заключении еще раз подчеркну: на основании проведенного анализа материалов Л. А. Костаненко в известной степени убедительно, обобщенно и на широком историческом фоне показано значение христианской миссии на Западном Кавказе в раннем (переходящим в развитое) средневековье. Однако, с моей научной позиции целый ряд рассмотренных автором материалов больше опровергают ряд основных выводов автора диссертационного исследования, чем подтверждают их. Скорее это даже связано не с методикой работы самого автора, а с устаревшими и (или) неверными постулатами его предшественников, основанными на ряде натяжек и логических умозаключений, объяснять которые с позиций и без учета современных научных представлений и практически выдохшейся в контексте данной парадигмы информативности имеющихся источников, как минимум преждевременно.

Вместе с тем, высказанные замечания ни в коей мере не снижают общего положительного впечатления от выполненного исследования и могут расцениваться как пожелания, в том числе, при дальнейшей (и обязательной!) разработке темы. В частности, если автор будет планировать издать свой труд в виде монографического исследования.

В целом, диссертационная работа В. А. Костаненко по теме «Христианская миссия и формирование церковной организации на Западном Кавказе в контексте этнополитических процессов IV–XI вв.» является актуальным и важным обобщающим исследованием значительного по объему материала. Представленный Л. А. Костаненко труд может быть признан как важный шаг на пути к пониманию ключевых аспектов этнокультурных и этнополитических процессов, происходивших на территории Западного Предкавказья, Закавказья, Восточного Причерноморья в IV–XI вв.

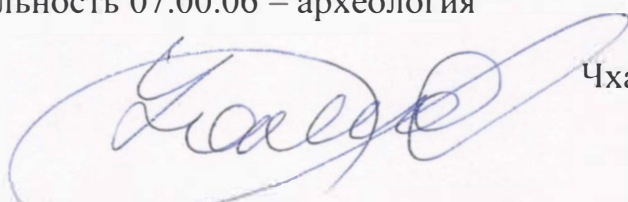
Повторюсь, безусловно, я не могу согласиться со всеми выводами автора, особенно в контексте его интерпретации политической истории региона в рассматриваемый период, локализации одного из центров христианства, однако уверен, что разнообразие мнений и точек зрения только способствуют поиску истины посредством научных споров. Основной же вывод диссертационного сочинения Л. А. Костаненко, что *«... христианская миссия и этапы формирования церковной организации на Западном Кавказе в IV–XI вв. находились в непосредственной связи с этнополитическими процессами. Создание новых этнополитических союзов, развитие государственных форм управления протекало в русле противоречивых, но тем не менее ... контактов с христианской Византийской империей»*, благодаря усилиям автора теперь оказался прочным основанием для дальнейших исследований в этом направлении.

В заключении отмечу, что знакомство с публикациями Л. А. Костаненко (в первую голову, посвященными христианизации Западного Кавказа), позволяет полагать, что публичное обсуждение работы будет вполне успешным. Материалы и выводы диссертации отражены в 14 публикациях соискателя, в том числе в трех статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК.

Автореферат отражает структуру и основные положения диссертации.

Считаю, что диссертация, равно как и автореферат отвечают всем требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней и предъявляемым к работам на соискание ученой степени кандидата наук, а сам автор, Л. А. Костаненко, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

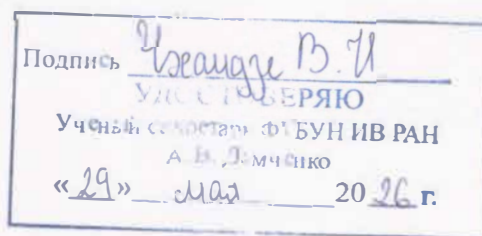
Заведующий Центром византийско-кавказских исследований,
старший научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института востоковедения Российской академии наук,
кандидат исторических наук
специальность 07.00.06 – археология

Чхаидзе Виктор Николаевич

26.05.2026

107031, Москва, ул. Рождественка, д.12
<https://www.ivran.ru/> inf@ivran.ru
8(495) 132-73-53

С отзывом согласен.

01.06.2026

Л.А. Костаненко